Из просветителей в «просвещенцы»: ретроспектива социального статуса советского и постсоветского учительства

Ананин Денис Павлович – канд. пед. наук, ведущий специалист управления стратегического развития, Московский городской педагогический университет (Москва, Россия); ananindp@mgpu.ru

Аннотация. *В фокусе внимания исследования – ретроспектива престижа профессии учителя, значимости его функций, уровень защищенности и уязвимости профессии, материальное положение и качество жизни учителей в советский и постсоветский периоды. Автор приходит к выводу, что снижение статуса советского учителя по отношению к дореволюционному периоду связано с пролетаризацией учительства, а постсоветского учителя по отношению к советскому – с деидеологизацией учительской профессии и изменением экономических механизмов его поддержки.*

Ключевые слова. *Российское учительство, профессия учителя, советское наследие, социальный статус, образовательная политика, кадровая политика, десоветизация, пролетаризация.*

Изучение учительства в силу его высокой социальной значимости является для общества чувствительной темой. Учитель, будучи массовой профессией, непосредственно затрагивает каждую отдельную семью и гражданина, а в совокупности педагоги формируют значимую часть населения страны, черты которой проецируются на другие смежные социально-профессиональные группы (врачей, ученых, деятелей культуры). Тем самым анализ положения учителей определяет «здоровье и дух» большой части общества, привлекая внимание исследователей из разных предметных областей.

В отношении российского учительства накоплены значительные эмпирические и статистические данные, которые, как правило, позволяют фиксировать отдельные «болевые точки» учителя – условия и оплату труда [1], социально-профессиональное самочувствие [2; 3] и другие аспекты в их совокупности [4–7]. О проблемах развития педагогического корпуса, в том числе в международном измерении, сигнализируют процессы феминизации и «старения»[1] педагогической профессии. Необходимость обращения к вопросу о статусе профессии учителя актуализируется критическими тезисами о современном российском учительском сообществе. По результатам одного из исследований профессиональных мотивов педагогов школ значительную долю учительства составляют деструктивные группы: «недовольные» (24%), «пессимисты» (25%), «выгоревшие» (4%), «формалисты» (26%) – и только 21% «энтузиастов» [8]. Природа такого положения настроений современного учительства свидетельствует о проблемах, которые аккумулировались в педагогической профессии за продолжительный период. Мы ставим перед собой цель изучения динамики изменения

[1] Отчет по результатам международного исследования учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения TALIS-2018 // Непрерывное обучение учителей и директоров школ. Ч.1. Москва, 2019.

социального статуса учителя советского и постсоветского времени на основе исторических, историографических, социологических исследований, а также аналитических работ.

Значимость выполняемых учителем функций. Идеологически учитель в раннесоветское время позиционировался как «центральная фигура культурной революции» [9, с. 7]. Официальное отношение к учительским кадрам было как к «главной армии социалистического просвещения» [10, с. 16). Свой тезис Е.Т.Юинг объясняет тем, что, делая ставку на расширение сети образовательных организаций, советская власть получала в каждой деревне своего представителя, через которого транслировала собственную политику в отношении крестьян [10]. На пропагандистском уровне советский учитель имел большую значимость для общества, на прагматическом – для партийного руководства. Советское правительство обещало, по заявлению В.И.Ленина, поднять учителя «на высоту, на которой он никогда прежде не стоял»[2], что являлось эффективным пиар-ходом партии. Советская пропаганда обеспечивала приток в профессию молодежи, вдохновленной сопричастностью к большим делам нового советского государства: ликвидации безграмотности в 1920–30-е гг., недопущению беспризорности малолетних в 1940 гг., восстановлению экономики и политехнической подготовки рабочих кадров в 1950–60-е гг. Благодаря этому устанавливалась тесная социальная (фактически персональная) связь учителя с рабочими и крестьянами, которая усиливала общественную значимость учительской профессии и несомненно положительно сказывалась на имидже профессии и внутренних установках учителей.

В постсоветское время, с ликвидацией партийной идеологии, пропагандистская составляющая педагогической профессии утратила свою значимость, увеличивая дистанцированность учителя от общества. Свое негативное влияние на значимость учительских функций оказала интеграция образования в сферу услуг, где профессия учителя стала восприниматься в качестве сервисной [3]. Несмотря на это, по результатам многих эмпирических исследований учителя по-прежнему основным фактором выбора профессии отмечают прежде всего общественную пользу, подчеркивая ее высокую социальную значимость [3; 11–14].

Дополнительный и неквалифицированный труд, оказывающий по своей сути негативное влияние на статус любой профессии [15; 16], в отношении учительства в раннесоветский период способствовал более тесной связи учителя и местного сообщества, в отличие от постсоветского периода. Система дополнительных общественных функций закрепилась за учителем с момента формирования советской школы: помощь в формировании колхозов, проведении выборов, партийных собраний, участие в заготовке продовольствия, распространение госзаймов, антирелигиозное и трудовое воспитание, агитационная работа, сбор членских взносов и др. [10; 15; 17; 18]; в хрущевское время – дежурства, сельскохозяйственные полевые работы и др. [19]; в период застоя (1960–70-е гг.) – репетиторские услуги [20]. В рыночных условиях репетиторство оформилось в дополнительную трудовую активность, особенно среди молодых учителей [4; 21–23], а система дополнительных функций учителя перестала выходить за рамки школы, чем сократило дистанцию между учителем и обществом в сравнении с раннесоветским периодом.

Защищенность и уязвимость профессии. Высокий пропагандируемый статус учителя в начале советского периода имел

[2] Постановление Верховного Совета СССР от 12.04.1984 № 13-XI «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы».

также обратный эффект. Если курс политизации школы, выразившийся в контроле властей над гражданской позицией учителей, запрете самовыражения и самоорганизации (формировании независимых профсоюзов и др.), сначала требовал от учителей лояльности, то в конце 1920-х гг., а также во времена сталинизма и массовых репрессий уже не позволял педагогам оставаться нейтральными к деятельности партии [10], что делало их зависимыми и незащищенными.

Более того, к учителям как представителям новой советской идеологии на местах было враждебно настроено консервативное крестьянство. Образование нарушало систему ценностей и традиционный уклад жизни деревни. Имели место и произвол сельского руководства, и месть за участие в коллективизации и раскулачивании, а также физическая расправа и сведение личных счетов. Учитель в данном случае оказывался между «молотом и наковальней». Е.Т.Юинг представляет образ учителя того времени как интеллигентную образованную женщину, которая стала жертвой патриархальных взглядов сельских жителей и произвола местных чиновников – преследований, травили, поджогов, клеветы, притеснений и домогательств [10]. Советское правительство реагировало на это и проводило кампании по улучшению правового положения учителей[3], в частности приравняв в 1929 г. преследования, убийства и покушения на учителей к террористическим актам. Однако кардинально такие меры положение не меняли.

В настоящее время значимая доля учителей (48,6%) в рамках социологических исследований продолжают отмечать слабую правовую и социальную защищенность [24]. Г.Ф.Шафранов-Куцев прослеживает бесправность и незащищенность учителей из-за ухудшения отношения учеников к учебе и педагогам, а также во взаимодействии с родителями [6]. Уязвимость учителей сегодня уже не представляет угрозу их жизни, а развивается в плоскости трудностей коммуникации и взаимодействия с учащимся и их родителями.

Материальное положение и качество жизни учителей. Существенным фактором формирования статуса учительской профессии являются условия жизни представителей социально-профессиональной группы. Для российского контекста значимость материального положения учителя актуализируется экономическими кризисами советского и постсоветского времени. На фоне удручающей социально-экономической обстановки в стране после окончания Гражданской войны и начала НЭПа происходило сокращение социальной сферы, поэтому в 1920 гг. обеспечение учителей осуществлялось по остаточному принципу, который в отношении учителей действовал весь советский период [19; 20].

Материальное положение учителей в 1930-е гг. складывалось из скромного жалования, неудовлетворительных жилищных условий (проживание в бараках), дефицита продуктов питания (особенно в голод 1932–33 гг.), задержек зарплаты [9; 10; 18]. Э.Е.Протасова и М.В.Суворов отмечают, что улучшить материальное положение и обеспечить социальную защищенность учительства в начале 1930-х гг. административно-командными методами из-за нехватки ресурсов было невозможно, поэтому учителя жили за счет своих приусадебных участков [9].

Положение учителей усугубляло их перераспределение на новые места проживания, что для них означало отрыв от поддержки родственников, оставление хозяйства и т.д. [15]. Заработная плата в структуре доходов советского учителя не всегда составляла его основную долю. На учителя распространялась система льгот: от прикрепления городских

[3] Циркулярное письмо «Об улучшении правового положения учительства», декабрь 1924 г.

учителей к закрытым распределителям для снабжения продуктами питания [9; 10], а сельских – к колхозам и приравнивание их к рабочим в обеспечении товарами в раннесоветский период [15] до широких социальных льгот к концу советского периода (санаторно-курортное лечение, оплата твердого топлива и т.д.). Вместе с тем, исследователи отмечают, что анонсируемые льготы для учителей не всегда предоставлялись на местах [9], они работали на имидж профессии. В военные и послевоенные годы снабжение учителей продуктами питания и промышленными товарами оставалось слабым, и только с 1948 г. начинают предприниматься реальные меры по поддержке учителя[4],[5],[6] [19]. Попытки повышения заработной платы учителей в 1960-е гг. привели к дифференциации в оплате педагогического труда в связи с введением званий [20].

На фоне перестройки экономики страны в 1990-е гг. материальное положение учителей ухудшилось [14; 25; 26], т.к. институты поддержки учительского корпуса в новых условиях оказались неэффективными [4]. Структура расходов бюджета учителя в 1990-е гг. и даже частично в 2000-е гг. [25] не отличалась от 1924 г. [17] – большая часть жалованья (до половины) уходила на питание. В.С.Собкин, П.С.Писарский и Ю.О.Коломиец говорят о снижении удовлетворенности уровнем оплаты своего труда с 14,2% (1991 г.) до 4,8% (1994 г.), фиксируя очень низкий уровень социального обеспечения [13]. Кризис оплаты педагогического труда заключается в том, что льготы значительно сократились, и заработная плата (как и сама профессия) на фоне этого оказывается неконкурентной [16]. По состоянию на 1994 г. 44,4% учителей считали себя малообеспеченными и еще 20,5% – недостаточно обеспеченными [13].

В 2000-е гг. принимаются активные меры по улучшению ситуации: вводятся стимулирующие выплаты и реформируются условия труда [4]. Если в 1990-е гг. государственные меры были направлены на сохранение и жизнеобеспечение системы школьного образования без обращения внимания на положение учителей, то с середины 2000-х гг. государственная политика целенаправленно формирует условия для поддержки учителя: ключевое – это повышение заработной платы учителей до средней по экономике региона, введение новой системы оплаты труда. Несмотря на это в 2006–08 гг. учителя оценивают свое материальное положение по-прежнему как «несостоятельное» (75%) [25]. Согласно опросу, проведенному В.А.Ильиным, А.А.Шабуновой и Г.В.Леонидовой, к началу 2010-х гг. только 35% городских учителей и 22% сельских причисляют себя к среднему классу [27]. В середине 2010-х гг. ряд эмпирических исследований действительно отмечают положительную динамику в изменении материального положения и качества жизни учителей [4; 5; 23; 28]. С улучшением материального благополучия учителей в 2010 гг. отдельные исследования этого периода фиксируют также рост престижа профессии [5; 12] и формирование положительного мнения о конкурентоспособности учи-

[4] Постановление Совета министров СССР «О льготах и преимуществах для учителей начальных и семилетних школ» от 18 февраля 1948 г.

[5] Постановление Совета министров СССР «О распространении на учителей, директоров и заведующих учебной частью сельских средних школ действия постановления Совета Министров СССР от 10 февраля 1948 г. «О льготах и преимуществах для учителей начальных и семилетних школ»» от 8 сентября 1949 г.

[6] Постановление Совета министров № 517 «О строительстве жилых домов для учителей сельских школ» 26 марта 1954 г.

тельской профессии [4]. Вместе с тем, согласно другим исследованиям, динамика роста показателя в среднем по России не так выражена или даже находится в стагнации [12; 29]. Доход учителя позволяет им удовлетворить только их минимальные (базовые) потребности [23; 29]. Исследователи, резюмируя положение учителей, относят учителей к периферии среднего класса, отмечая признаки его маргинализации [21; 23].

В постсоветское время основанием непрестижности профессии является именно низкая оплата труда [30]. Размер заработной платы становится одним из наиболее значимых индикаторов статуса, т.к. идеологическая и социальная составляющие профессии (включая дополнительные бонусы и льготы) сегодня уже не являются такими актуальными. Разные опросы учителей показывают схожие данные: для большинства учителей (93% [4], 98% [29]) главным источником дохода является их основная деятельность в школе, их семейный бюджет на 95% формируется из заработной платы [31].

Престиж учительской профессии. В раннесоветский период профессия учителя непривлекательна из-за низкого материального положения, социальной незащищенности и невысокой квалификации педагогов в отличие от таких профессий, как инженер или врач [10; 15]. О.В.Золотарев связывает тенденцию понижения авторитета педагога в 1920-е гг. с изгнанием из профессии большого количества дореволюционного учительства вследствие возникшего административного и идеологического прессинга [32]. На фоне резкого роста численности учителей начиная с 1932/33 учебного года и процессов пролетаризации учительства появившиеся советские неологизмы для обозначения учителя – «шкраб» (школьный работник) и «просвещенец» – как раз подчеркивают ту характеристику молодого советского учителя, которая контрастирует с высоким социальным статусом учителя–интеллигента дореволюционной школы [32].

В военные и послевоенные годы советское правительство поднимает авторитет работников умственного труда, в том числе путем улучшения их материального благополучия. Учительство оказывается на волне этого движения [19]. В 1960-е гг. на фоне уравнивания оплат труда и равномерного распределения материальных благ Д.С.Молоков фиксирует снижение престижа квалифицированного труда [20]. Поощрение учительства приобретает номенклатурный характер: награждение медалями, присваивание званий («Народный учитель» и др.), учреждение профессионального дня учителя. К 1980-м гг. эту тенденцию усилило снижение уровня материального обеспечения учителя по сравнению с рабочим классом [20]. По результатам социологического опроса (1984 г.) профессия учителя признавалась престижной, но одновременно отмечался тяжелый педагогический труд [26].

Экономико-политические трансформации и спад 1990-х гг. усиливают снижение социального статуса школьного учителя [11; 21]. Согласно социологическим исследованиям, в 1991–94 гг. учителя считают профессию бесперспективной и малопрестижной для быстрой карьеры [13]. К 2001 г. ученые отмечают отдельные положительные тенденции в оценке учителями своей профессии за десятилетний период: рост количества «уверенных учителей в успешности своей профессиональной деятельности» и «оценке своих жизненных перспектив» [14, с. 295]. Вместе с тем, в 2000-е гг. учителя по-прежнему признают за собой невысокий статус в обществе [30]. В.П.Засыпкин, Г.Е.Зборовский, Е.А. Шуклина и Г.Ф.Шафранов-Куцев характеризуют российское учительство 2000-х гг. как «социального аутсайдера» [6; 33, с. 12].

Начало 2010-х гг. по ряду социологических работ ознаменовалось сохранением низкого престижа профессии учителя [21; 25]. В.А.Ильин, А.А.Шабунова, Г.В.Леонидова пишут о том, что учительство потеряло прежний статус уважаемых и ценимых людей и находится в стагнации [27]. Макроисследование, проведенное Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН, устанавливает падение привлекательности профессии учителя с 1963 г. по 2013 г. практически вдвое [34].

Вместе с тем, уже к середине 2010-х гг. общественные опросы показывают повышение уважения россиян к педагогической профессии, что Г.З.Ефимова соотносит с повышением уровня их дохода и стабильностью профессии [35]. Данный период отмечается ростом популярности педагогических специальностей у абитуриентов [35] и ростом популярности педагогических вузов в целом [28]. Г.Ф.Шафранов-Куцев также отмечает некоторое восстановление имиджа учителя в эти годы, но и вместе с тем отмечает недосягаемость уровня авторитета советского учителя [6]. Несмотря на позитивные тенденции в отношении профессии, сложившиеся к середине 2010-х гг., школьные учителя продолжают причислять себя к «низкостатусной социальной группе» [28, с. 41].

Нельзя не отметить многообразие мнений внутри социально-профессиональной группы: для одной трети учителей престиж педагогической профессии в середине 2010-х гг. повысился, для другой трети – снизился и еще для трети – не изменился [23]. Дополнительно наблюдается разница в оценке престижа профессии в зависимости от типа поселения: в сельской местности с учетом разной структуры труда педагогическая профессия более привлекательна (в сельском сообществе), чем в городской [3; 4; 6].

Заключение. Учительская профессия в рассматриваемые исторические периоды характеризуется разными стратегиями формирования общественного признания. Вместе с тем, исследователи фиксируют либо ее низкий социальный статус, либо его снижение по отношению к предыдущему периоду, обосновывая тем самым тезис о том, что наивысшее положение учитель имел в дореволюционной России. Значимость профессии в советский период обеспечивали пропаганда, тесная связь советского учителя и общества и система социального обеспечения и гарантий. В постсоветский период механизмом регулировки статуса учителя является только размер заработной платы. В рыночных условиях профессия учителя является явно недооцененной, что не способствует формированию ее статуса. Стремления ее повышения за счет увеличения учебной нагрузки повышает риск профессионального выгорания и подрыва здоровья учителей.

Г.Ф.Шафранов-Куцев, описывая постсоветские образовательные реалии 2010-х гг., фиксирует парадокс социального статуса учителя, которым с оговорками можно обозначить весь 100-летний период развития педагогической профессии в России. По выполняемым функциям, роли профессии для общества и уровню образования учителя идентифицируют себя со средним классом, но по заработной плате к среднему классу себя отнести не могут [23]. Разрешение данного противоречия является одним из ключевых вызовов образовательной политики на современном этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Клячко Т., Семионова Е., Токарева Г.* Труд и заработная плата учителей – что изменилось? // Экономическое развитие России. 2018. Т. 25. № 11. С. 46–62.

2. *Зернов Д.В., Иудин А.А., Овсянников А.А.* Социальные ориентиры и самочувствие российского учительства // Народонаселение. 2014. № 4 (66). С. 43–60.

3. *Головчин М.А., Соловьева Т.С.* Социальное и профессиональное самочувствие учителей российских школ в период реформ и контрреформ // Идеи и идеалы. 2018. Т. 2. № 3 (37). С. 233–252.

4. *Агранович М.Л. и др.* Российские учителя в свете исследовательских данных. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 320 с.

5. *Леонидова Г.В., Головчин М.А., Соловьева Т.С.* Учителя и реформы: региональный аспект. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 108 с.

6. *Шафранов-Куцев Г.Ф.* Тюменское учительство: работа и качество жизни. Тюмень: Тюменская областная Дума, Тюменский государственный университет, 2015. 264 с.

7. *Шевелев А.Н.* Петербургский учитель: вчера, сегодня, завтра. СПб.: СПб АППО, 2018. 282 с.

8. *Константиновский Д.Л., Пинская М.А., Звягинцев Р.С.* Профессиональное самочувствие учителей: от энтузиазма до выгорания // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 14–25.

9. *Протасова Э.Е., Суворов М.В.* Сталинская модернизация и материально-правовое положение уральского учительства в первой половине 1930-х гг. // Педагогическое образование в России. 2019. № 4. С. 6–14.

10. *Юинг Е.Т.* Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. М.: Фонд «Президентский центр Б.Н.Ельцина», 2011. 359 с.

11. *Гаспаришвили А.Т., Ионов А.А., Рязанцев В.В., Смоленцева А.Ю.* Учитель в эпоху перемен. М.: Логос, 2006. 175 с.

12. *Собкин В.С., Адамчук Д.В.* Современный учитель: жизненные и профессиональные ориентации // Труды по социологии образования. Т. XVIII. Вып. XXX. М.: ИУО РАО, 2016. 216 с.

13. *Собкин В.С., Писарский П.С., Коломиец Ю.О.* Учительство как социально-профессиональная группа. М.: Институт социологии образования РАО, 1996. 53 с.

14. *Собкин В.С., Равлюк С.Г.* Учитель об образовании: опыт социологического исследования профессиональной позиции // Социология образования: Труды по социологии образования. Т. IX. Вып. XV. М.: Институт социологии образования РАО. С. 281–336.

15. *Золотарев О.В.* Советское учительство в 1930-е годы // Интеллигенция и мир. 2010. № 1. С. 56–68.

16. *Штайнер-Хамси Г.* Учить, чтобы выжить: оплата труда по ставке и ее воздействие на качество преподавания // Вопросы образования. 2016. № 2. С. 14–39.

17. *Белова Н.А.* Учительская интеллигенция в 1920–30-е гг.: повседневная жизнь в условиях социалистического строительства // Интеллигенция и мир. 2010. № 4. С. 80–90.

18. *Макарова Н.Н.* Эмоциональное сообщество и повседневная жизнь учителей Магнитогорска (1929–1941 годы) // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 1. С. 168–182.

19. *Алмаев Р.З.* «Равный труд – равная оплата…»: материальное положение школьных учителей в 1940–1960-х гг. (на материалах Южного Урала) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 2. С. 105–119.

20. *Молоков Д.С.* Тенденции развития советской общеобразовательной школы второй половины 60-х – первой половины 80-х годов. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2004. 148 с.

21. *Кузьминов Я.И., Попова С.А., Якобсон Л.И.* Эффективный контракт для профессионалов социальной сферы: тренды, потенциал, решения. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. 141 с.

22. *Собкин В.С., Калашникова Е.А.* К вопросу о репетиторстве: мнение учащихся, родителей и учителей // Педагогика. 2019. № 6. С. 39–56.

23. *Шафранов-Куцев Г.Ф.* Место учительства в стратификационной структуре современного российского общества // Социологические исследования. 2016. № 9 (389). С. 65–72.

24. *Собкин В.С., Адамчук Д.В.* К вопросу о профессиональном развитии педагога: повышение квалификации и членство в педагогических сообществах // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Т. 1. № 2. С. 20–40.

25. *Зиятдинова Ф.Г.* Социальное положение учителей: ожидания и реалии // Социологические исследования. 2010. №. С. 100–106.

26. *Пашковская И.Н., Шемякина Е.Ю.* Советское учительство как социально-профессиональное сообщество // Вестник образования и развития науки РАЕН. 2016. № 3. С. 89–98.

27. *Ильин В.А., Шабунова А.А., Леонидова Г.В.* Социальное положение учительства в России // Социологические исследования. 2012. № 8 (340). С. 123–133.

28. *Хуснутдинова М.Р.* Социальный статус профессии учителя: самоопределение российских педагогов // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 4. С. 38–48.

29. *Пинская М.А., Евстигнеева Н.В., Бысик Н.В., Косарецкий С.Г., Звягинцев Р.С.* Как меняются условия работы и профессиональное самочувствие учителей? // Мониторинг экономики образования. 2017. № 14 (113). М.: Высшая школа экономики, 2017. 33 с.

30. *Парабучев А.И.* Учитель в эпоху общественных трансформаций – к автопортрету профессии // Вопросы образования. 2005. № 4. С. 246–260.

31. *Шереги Ф.Э., Арефьев А.Л., Царьков П.Е.* Условия труда педагогов: хронометрический и социологический анализ. М.: Центр социологических исследований, 2016. 327 с.

32. *Золотарев О.В.* Советское учительство в 1920-х годах // Интеллигенция и мир. 2009. № 3. С. 28–40.

33. *Засыпкин В.П., Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А.* Учительство как социально-профессиональная общность // Социологические исследования. 2015. № 2 (370). С. 113–122.

34. *Вознесенская Е.Д.* Мир профессий глазами современной молодежи: изменения в постоянстве // Грани российского образования / Ред. М.К.Горшков, Ф.Э. Шереги, А.Л. Арефьев, Г.А. Ключарев. М.: Центр социологических исследований, 2015. С. 326–356.

35. *Ефимова Г.З.* Динамика престижа педагогической профессии в России и мире: экономический аспект // Интернет-журнал Науковедение. 2015. Т. 7. № 6 (31).

Дата поступления – 09.01.2026

From educators to "enlightened figures": retrospective on the social status of teachers in the Soviet and post-Soviet periods

Denis P. Ananin – Cand. Sci. (Pedagogics), senior expert at the Department for Strategic Development, Moscow City University (Moscow, Russia); ananindp@mgpu.ru

Abstract. *The study focuses on a retrospective examination of the prestige of the teaching profession, the significance of its functions, the level of protection and vulnerability of the profession, the financial situation and quality of life of teachers in the Soviet and post-Soviet periods. The author concludes that the decline in the status of the Soviet teacher (compared to the pre-revolutionary teacher) is linked to the proletarianization of the teaching profession, while the decline in the status of the post-Soviet teacher (compared to the Soviet one) is linked to the de-ideologization of the teaching profession and changes in the economic mechanisms of support.*

Key words. *Russian teachers, teaching profession, Soviet legacy, social status, educational policy, HR policy, desovietization, proletarianization.*

REFERENCES

1. *Klyachko T., Semenova E., Tokareva G.* Trud i zarabotnaya plata uchiteley – chto izmenilos'? [Teachers' labor and wages: What has changed?] *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* [Economic development of Russia]. 2018. Vol. 25. No. 11. P. 46–62.

2. *Zernov D.V., Yudin A.A., Ovsiannikov A.A.* Sotsial'nye orientiry i samochuvstvie rossiyskogo uchitel'stva [Social Guidelines and Feeling of Well-Being of Russian Teachers]. *Narodonaselenie* [Population]. 2014. No. 4 (66). P. 43–60.

3. *Golovchin M.A., Solov'eva T.S.* Sotsial'noe i professional'noe samochuvstvie uchiteley rossiyskikh shkol v period reform i kontrreform [Social and professional well-being of the Russian school teachers during the period of reforms and counter-reforms]. *Idei i ideali* [Ideas & Ideals]. 2018. Vol. 2. No. 3. P. 233–252.

4. *Agranovich M.L. et al.* Rossiyskie uchitelia v svete issledovatel'skikh dannykh [Russian teachers in the light of research data]. Moscow: HSE University, 2016. 320 p.

5. *Leonidova G.V., Golovchin M.A., Solov'eva T.S.* Uchitelia i reformy: regional'nyi aspect [Teachers and reforms: A regional perspective]. Vologda: ISERT RAN, 2016. 108 p.

6. S*hafranov-Kutsev G.F.* Tyumenskoe uchitel'stvo: rabota i kachestvo zhizni [Tyumen teachers: Work and quality of life]. Tyumen: Tyumen Regional Duma, Tyumen State University, 2015. 264 p.

7. *Shevelev A.N.* Peterburgskiy uchitel': vchera, segodnya, zavtra [Saint Petersburg teacher: Yesterday, today, tomorrow]. Saint Petersburg: SPb APPO, 2018. 282 p.

8. *Konstantinovskiy D.R, Pinskaya M.A., Zvyagintsev R.S.* Professional'noe samochuvstvie uchiteley: ot entuziazma do vygoraniya [Professional health of teachers: From enthusiasm to burnout]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2019. No. 5. P. 14–25.

9. *Protasova E.E., Suvorov M.V.* Stalinskaya modernizatsiya i material'no-pravovoe polozhenie ural'skogo uchitel'stva v pervoy polovine 1930-kh gg. [The Stalin modernization and the material and Legal status of the Ural teaching in the first half of the 1930s]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Teacher Education in Russia]. 2019. No. 4. P. 6–14.

10. *Ewing E.Th.* Uchitelia epokhi stalinizma: vlast', politika i zhizn' shkoly 1930-kh gg. [Teachers of Stalinism. Policy, practice, and power in soviet schools of the 1930s]. Moscow: Foundation "Presidential Center named after B.N.Yeltsin", 2011. 359 p.

11. *Gasparishvili A.T., Ionov A.A., Ryazantsev V.V., Smolentseva A.Yu.* Uchitel' v epokhu peremen [A teacher in the era of changes]. Moscow: Logos, 2006. 175 p.

12. *Sobkin V.S., Adamchuk D.V.* Sovremennyi uchitel': zhiznennye i professional'nye orientatsii [Modern teacher: Life and professional orientations]. *Trudy po sociologii obrazovaniya* [Works on the sociology of education]. Vol. XVIII. No. XXX. Moscow: Institute of Sociology of Education RAO, 2016. 216 p.

13. *Sobkin V.S., Pisarskiy P.S., Kolomiets Yu.O.* Uchitel'stvo kak sotsial'no-professional'naya gruppa [Teachers as a socio-professional group]. Moscow: Center for Educational Sociology of the Russian Academy of Education, 1996. 53 p.

14. *Sobkin V.S., Ravlyuk S.G.* Uchitel' ob obrazovanii: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya professional'noy pozitsii [A teacher speaking about education: the experience of sociological research professional position]. *Trudy po sotsiologii obrazovaniya* [Works on the sociology of education]. 2004. Vol. IX. No. XV. Moscow: Center for Educational Sociology of the RAE. P. 281–336.

15. *Zolotarev O.V.* Sovetskoe uchitel'stvo v 1930-e gody [Soviet teaching staff in the 1930s]. *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World]. 2010. No. 1. P. 56–68.

16. *Steiner-Khamsi G.* Uchit', chtoby vyzhit': oplata truda po stavke i ee vozdeystvie na kachestvo prepodavaniya [Teach or perish: The stavka system and its impact on the quality of instruction]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational issues]. 2016. No. 2. P. 14–39.

17. *Belova N.A.* Uchitel'skaya intelligentsiya v 1920–30-e gg.: povsednevnaya zhizn' v usloviyakh sotsialisticheskogo stroitel'stva [Teachers' intelligentsia in the 1920s-30s: Everyday life in the conditions of socialist construction]. *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World]. 2010. No. 4. P. 80–90.

18. *Makarova N.N.* Emotsional'noe soobshchestvo i povsednevnaya zhizn' uchiteley Magnitogorska [Emotional community and everyday life of the teachers of Magnitogorsk (1929–1941)]. *Novejshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia]. 2020. Vol. 10. No. 1. P. 168–182.

19. *Almaev R.Z.* "Ravnyi trud – ravnaya oplata…": material'noe polozhenie shkol'nykh uchiteley v 1940–1960-kh gg. (na materialakh Yuzhnogo Urala) ["Equal salary for equal work": Financial position of teachers in 1940–1950s (On materials of Southern Urals)]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov* [RUDN Journal of Russian History]. 2012. No. 2. P. 105–119.

20. *Molokov D.S.* Tendentsii razvitiya sovetskoy obshcheobrazovatel'noy shkoly vtoroy poloviny 60-kh – pervoy poloviny 80-kh godov [Trends in the development of the Soviet secondary school of the second half of the 60s – the first half of the 80s]. Yaroslavl': Yaroslavl State Pedagogical University, 2004. 148 p.

21. *Kuz'minov Ya.I., Popova S.A., Yakobson L.I.* Effektivnyi kontrakt dlia professionalov sotsial'noy sfery: trendy, potentsial, resheniya [Effective contract for social professionals: Trends, potential, solutions]. Moscow, Izd. Dom HSE, 2017, 141 c.

22. *Sobkin V. S., Kalashnikova E.A.* K voprosu o repetitorstve: mnenie uchashchikhsya, roditeley i uchiteley [On the issue of private tutoring: students, parents and teachers' opinions]. *Pedagogika* [Pedagogics]. 2019. No. 6. P. 39–56.

23. *Shafranov-Kutsev G.F.* Mesto uchitel'stva v stratifikatsionnoy strukture sovremennogo rossiyskogo obshchestva [The place of teachers in the socio-stratification structure of contemporary Russian society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2016. No. 9 (389). P. 65–72.

24. *Sobkin V.S., Adamchuk D.V.* Sovremennyi uchitel': zhiznennye i professional'nye orientatsii [About the professional development of teacher: Raising of qualification and membership in the professional communities]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ehkonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research]. 2015. Vol. 1. No. 2 (2). P. 20–40.

25. *Ziyatdinova F.G.* Sotsial'noe polozhenie uchitelej: ozhidaniya i realii [Teachers' Social position: expectations and realities]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2010. No. 10 (318). P. 100–106.

26. *Pashkovskaya I.N., Shemyakina E.Yu.* Sovetskoe uchitel'stvo kak sotsial'no-professional'noe soobshchestvo [Soviet teachers as socio-professional community]. *Vestnik obrazovanija i razvitija nauki Rossijskoj akademii estestvennyh nauk* [Bulletin of Education and Science Development of the Russian Academy of Natural Sciences]. 2016. No. 3. P. 89–98.

27. *Il'in V.A., Shabunova A.A., Leonidova G.V.* Sotsial'noe polozhenie uchitel'stva v Rossii [Social position of teachers in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2012. No. 8 (340). P. 123–133.

28. *Khusnutdinova M.R.* Sotsial'nyi status professii uchitelia: samoopredelenie rossiyskikh pedagogov [Social status of the teaching profession: Self-determination in Russian teachers]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psycological Science and Education]. 2017. Vol. 22. No. 4. P. 38–48.

29. *Pinskaya M.A., Evstigneeva N.V., Bysik N.V., Kosareckiy S.G., Zviagintsev R.S.* Kak menyayutsya usloviya raboty i professional'noe samochuvstvie uchiteley? [How are teachers' working conditions and professional well-being changing?] *Monitoring ekonomiki obrazovaniya* [Monitoring of Education Economics]. 2017. No. 14 (113). Moscow: Higher School of Economics, 2017. 33 p.

30. *Parabuchev A.I.* Uchitel' v epokhu obshchestvennykh transformatsiy – k avtoportretu professii [Teacher in an era of societal transformation – towards a self-portrait of the profession]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational issues]. 2005. No. 4. P. 246–260.

31. *Sheregi F.E., Aref'ev A.L., Tsark'ov P.E.* Usloviya truda pedagogov: khronometricheskiy i sotsiologicheskiy analiz [Working conditions of teachers: Chronometric and sociological analysis]. Moscow: Center for Sociological Research, 2016. 327 p.

32. Zolotarev O.V. Sovetskoe uchitel'stvo v 1920-e gody [Soviet teaching staff in the 1920s]. Intelligentsia i mir [Intelligentsia and the World]. 2009. No. 4. P. 28–40.

33. *Zasypkin V.P., Zborovskiy G.E., Shuklina E.A.* Uchitel'stvo kak sotsial'no-professional'naya obshchnost' [School teachers as social professional community]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2015. No. 2 (370). P. 113–122.

34. *Voznesenskaya E.* Mir professiy glazami sovremennoy molodezhy: izmeneniya v postoyanstve [How modern young people see the world of professions: Changes in the status quo]. *Grani rossijskogo obrazovaniya* [Dimensions of Russian Education]. Ed. by M.K.Gorshkov, F.E.Sheregi, A.L.Aref'ev, G.A.Klyucharev. Moscow: Center for Sociological Research, 2015. P. 326–356.

35. *Efimova G.Z.* Dinamika prestizha pedagogicheskoy professii v Rossii i mire: ekonomicheskiy aspekt [Prestige dynamics of the teaching profession within Russia and without: an economic aspect]. *Internet-Journal Naukovedenie* [Internet Journal Science Studies]. 2015. Vol. 7. No. 6 (31).

Submitted – 09.01.2026